

На правах рукописи

УДК 159.9

ФАЗИЛОВА Алие Эльдаровна

**КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В
УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Специальность: 5.3.5 Социальная психология,
политическая и экономическая психология
(психологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре психологии в государственном образовательном учреждении высшего образования Республики Крым «Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова»

Научный руководитель: доктор психологических наук, доцент, начальник Симферопольского научного центра Российской академии образования, доцент кафедры психологи государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Лучинкина Ирина Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова»
Сорокоумова Галина Вениаминовна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого»
Шалагинова Ксения Сергеевна

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Защита состоится «12» ноября 2026 года в 15:00 на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.17, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 11, ауд. 64.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 5) и на сайте университета по адресу: https://dissertation.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001260.html

Автореферат разослан « » июня 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кондакова Ирина Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития общества предполагает активное внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Школьники не представляют свою жизнь без социальных сетей и виртуальной коммуникации, включая групповые чаты и индивидуальные переписки. Интернет стал инструментом быстрого общения – представления информации о себе, завязывания коммуникативных связей, а также поддержания устойчивых социальных контактов в виртуальном пространстве.

Вместе с расширениями возможностей сети обостряются и риски, связанные с различного рода кибернетическими угрозами, в первую очередь, кибербуллинг. По результатам опроса, проведенного центром компетенций в области обеспечения безопасности «Альянс по защите детей в цифровой среде» в сентябре 2023 года, 64% подростков сталкивались с кибербуллингом в сети. В октябре 2024 года при поддержке Департамента образования и науки города Москвы и платформы «Сферум» был проведен опрос классных руководителей из разных регионов Российской Федерации, показавший, что более 75% педагогов были свидетелями кибербуллинга среди своих учеников. Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в марте 2025 года, жертвами интернет-агрессии становятся около 49% подростков в сети.

Кибербуллинг нередко связан с опытом реального буллинга личности подросткового возраста, и эта взаимосвязь может отражать индивидуально-психологические затруднения ребенка как в виртуальном пространстве, так и в реальном пространстве. При этом, буллеры и жертвы в реальном пространстве не всегда остаются таковыми в виртуальном пространстве, что может свидетельствовать об изменении имеющихся и появлении принципиально новых составляющих в структуре буллинга.

Вместе с тем, на данном этапе исследований не отражена специфика смены ролевой позиции в буллинг-структуре при переходе в виртуальное пространство. Многообразие виртуальных рисков, связанных с буллингом, может оказывать негативное влияние на личность подростка, находящегося на сензитивном этапе, и формировать у него искаженные когнитивные, аффективные, мотивационные, коммуникативные, ценностно-смысловые и поведенческие паттерны, или закреплять уже существующие.

Несмотря на значимость существующих исследований, отметим их недостаточность для разрешения проблем, связанных с возрастающим количеством детей, находящихся в буллинг-структуре.

Во-первых, не изучены, но нуждаются в исследовании составляющие коммуникативного поведения личности подростка в виртуальном пространстве, в том числе их взаимосвязь с составляющими коммуникативного поведения в реальном пространстве. Во-вторых, важным направлением исследования

является анализ стратегий поведения, связанных с ролевой позицией в буллинге, что позволит разработать точечную программу психологической коррекции.

И, наконец, значимым является исследование смены ролевой позиции при переходе в виртуальное пространство.

Степень научной разработанности проблемы исследования.

Анализ изучения проблемы личности подросткового возраста в условиях виртуального пространства может быть осуществлен с позиции ряда научных подходов.

В рамках психологического подхода проблема коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве разрабатывается преимущественно на уровне анализа отдельных параметров. В ряду психологических направлений значимыми следует выделить концепции: коммуникативного поведения в интернет-пространстве (И.С. Лучинкина [2017], С.В. Молчанов [2018]), мотивации пользователей в сети (О.Н. Арестова [2000], Л.Н. Бабанин [1996], А.Е. Войскунский [2010], А.И. Лучинкина [2014]), виртуальной коммуникации (А.Е. Жичкина [2000], Е.П. Белинская [2017]), ценностно-смысловой регуляции общения (И.В. Абакумова [2020], А.А. Коршак [2024]), эмоциональной регуляции в сети (О.В. Григорьева [2014], Н.В. Ванюхина [2014], А.С. Медведева [2022]), коммуникативного поведения в ситуации реального буллинга (Л.Н. Молчанова [2022], А.В. Фомина [2024]).

В российской психологии проблемы буллинга в подростковой среде нашли отражение в направлениях, исследующих деструктивные формы взаимодействия в сети, в том числе кибербуллинг (А.А. Бочавер [2014], Е.Н. Волкова [2017], Г.У. Солдатова [2019], А.Н. Ярмина [2018] и др.), троллинг (Р.А. Внебрачных [2012], Е.И. Булатова [2017], Л.М. Гриценко [2018] и др.), моббинг (Е.Н. Бондарева [2014], А.И. Морозова [2021], Е.А. Лучина [2017]) и другие формы ненормативного коммуникативного поведения (И.С. Лучинкина [2018], Т.В. Юдеева [2021] и др.). Признавая значимость вышеизложенных исследований, отметим, что существующие классификации конструктивных и деструктивных стратегий коммуникативного поведения представлены преимущественно вне ситуаций буллинга, что не позволяет реконструировать специфику поведенческих паттернов в ситуации травли в реальном и виртуальном пространстве.

В рамках социально-психологического направления акцент с индивидуально-психологических особенностей личности подросткового возраста в ситуации буллинга смещается в сторону исследования выбора ролевой позиции (Ю.П. Кошелева [2018], С.Ю. Рыжкова [2016], Е.Г. Норкина [2016], К.С. Шалагинова [2024]), конфликтности в подростковой группе (Ю.А. Бабенко [2021], А.В. Груша [2021], Д.Н. Соловьев [2014], А.Г. Береснева [2016] и др.), конфликтов в образовательной организации (И.С. Кон [2006], Е.В. Бушина [2022], А.М. Каримова [2022], М.А. Новикова [2021], А.А. Реан [2020], Г.В. Сорокоумова [2023] и др.), безопасности в образовательной среде (И.А. Баева [2017], И.С. Новикова [2015]), ролевой виктимности (О.О. Андронникова [2015]) и онлайн-рисков (Г.У. Солдатова [2017], Е.И. Рассказова [2020], С.В. Чигарькова

[2022]). Однако в приведенных исследованиях авторы не акцентируют внимание на различиях виртуального и реального буллинга, а именно на смену ролевой позиции участников при переходе в виртуальное пространство.

Научная проблема исследования заключается в том, что несвоевременное выявление психологических особенностей коммуникативного поведения участников буллинга в интернет-пространстве может привести к девиации личности, и как следствие, к суициду.

Цель исследования – выявить психологические особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

Объект исследования – коммуникативное поведение участников буллинга.

Предмет исследования – психологические особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

Гипотезы исследования:

1. Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях виртуального пространства может определяться когнитивно-аффективными, коммуникативно-конативными, мотивационными и ценностно-смысловыми составляющими.

2. В зависимости от психологических особенностей коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга могут быть выделены определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге. При переходе личности из реального пространства в виртуальное возможна смена ролевой позиции в ситуации буллинга.

3. Может быть разработана программа психологической коррекции, учитывающая взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями участников буллинга и определяющаяся стратегиями поведения в условиях виртуального буллинга.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретико-методологические и эмпирические подходы по проблеме исследования.

2. Разработать концептуальную модель коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

3. Эмпирически изучить когнитивно-аффективные, коммуникативно-конативные, мотивационные и ценностно-смысловые особенности коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства.

4. Теоретически обосновать и эмпирически выделить стратегии поведения личности в условиях виртуального буллинга, связанные с ролевой позицией в буллинге.

5. Эмпирически обосновать возможность изменения ролевой позиции в ситуации буллинга, присущей личности в реальном пространстве.

6. Разработать и апробировать программу психологического сопровождения участников буллинга, учитывающую их когнитивно-аффективные и коммуникативно-конативные особенности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения: деятельностного подхода в изучении личности (А.Н. Леонтьев); **теории:** теория когнитивной сферы (А. Бек, А. Эллис, С.В. Молчанов, Н.Н. Поскребышева), теория интернет-социализации (А.И. Лучинкина), теории буллинга в современном пространстве (Д. Лэйн, А. Пикас, К. Ригби, П.П. Хайнеманн, А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, А.А. Реан, Г.В. Сорокоумова и др.), теория психологических механизмов и личностных характеристик участников буллинга (О.Л. Глазман, В.С. Зуева), теория ролевого поведения (Ю.П. Кошелева, С.Ю. Рыжкова, С.Б. Перевозкин, Е.Г. Норкина, К.С. Шалагинова), теория деструктивных форм взаимодействия в виртуальном пространстве (Р.А. Внебрачных, Е.И. Булатова, Л.М. Гриценко и др.); **концепции:** исследования коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве (И.С. Лучинкина), ценностно-смысловой регуляции общения (И.В. Абакумова, А.А. Коршак), психологической безопасности в образовательной среде (И.А. Баева, И.С. Новикова), исследования кибербуллинга (А.А. Бочавер, Е.Н. Волкова, Г.У. Солдатова), понятие о конфликтности в подростковой группе (Ю.А. Бабенко, А.В. Груша и др.), исследования ненормативности коммуникативного поведения (Т. Хирши, Ш. Берн, Р. Мертон, И.С. Лучинкина), исследования ролевой виктимности (О.О. Андронникова), мотивации пользователей в сети (Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова), суицидальных рисков в подростковом возрасте (Т.В. Разуваева, Е.С. Каган).

Методы и методики исследования. Достижение цели и решение исследовательских задач обеспечивалось применением комплекса взаимодополняющих методов, включающего теоретический анализ научной литературы о коммуникативном поведении участников буллинга в условиях виртуального пространства. Странно, что комплекс включает в себя только теор. анализ. Эмпирическая часть исследования реализована посредством анкетирования и использования комплекса психодиагностических методик. В качестве группирующей методики для выявления ролевой позиции в буллинг-структуре был выбран авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в буллинге». Для исследования когнитивно-аффективной составляющей применялись: опросник «11 ловушек» (Д. Янг и Дж. Клоско, в адаптации Е. Кваша) (адаптированный для подростков) – для изучения иррациональных установок в реальной коммуникации; опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» (И.С. Лучинкина) – для выявления дисфункциональных установок в виртуальном пространстве; методика «Шкала безнадёжности для детей» (А. Каздин, А. Роджерс, Д. Колбус, в адаптации Е.С. Кагана) – для выявления суицидальных рисков; методика «Шкала эмоциональных схем Лихи» (Р. Лихи, в адаптации Н.А. Сироты, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонского) – для исследования эмоциональных схем в реальной коммуникации. Для исследования коммуникативно-конативной составляющей применялись:

методика «Методика исследования виктимного поведения» (О.О. Андронникова) – определение предрасположенности к реализации различных форм виктимного поведения в реальном пространстве; методика «Методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления» (И.Г. Сизова, С.И. Филиппченкова; адаптированная для подростков; авторская адаптация) – исследование стратегий совладающего поведения в реальном и виртуальном пространстве; опросник «Категория ранних решений» (С.В. Максимова) – выявление родительских предписаний в поведении; авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге»; методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» (В.В. Бойко) – установление коммуникативных установок в реальной коммуникации. Для исследования мотивационной составляющей применялась методика «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина). Для исследования ценностно-смысловой составляющей применялись: методика «Антивитальность и жизнестойкость» (О.А. Сагалкова, Д.В. Труевцев) – выявление системы ценностных ориентаций в реальном пространстве; опросник «Смыслы личности в виртуальной среде» (И.С. Лучинкина). Для определения психологических травм (отвержение, оставленность, унижение, предательство и несправедливость) использован тест «Тест на пять травм» (Л. Бурбо, в адаптации М. Завизон).

Анализ экспериментальных данных проходил с помощью программы для статистической обработки данных SPSS 28, а именно непараметрического критерия Н-критерий Краскелла-Уоллиса для независимых выборок, χ^2 -Пирсона, U-критерий Манна-Уитни, G-критерий знаков, факторного анализа, а также параметрического t-критерия Пирсона.

Эмпирический объект исследования. К исследованию были приглашены 3000 обучающихся школ Республики Крым, из них – 2560 по электронной почте, 440 – в реальном пространстве. Полное исследование прошли 892 респондента подросткового возраста, в возрасте от 14 до 17 лет.

Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования была достигнута за счет: методологической обоснованности теоретических позиций; теоретического обоснования авторской позиции; многоаспектного анализа проблемы; использования разнообразных методов, валидных для целей и задач; качественного анализа эмпирического исследования; согласованности теории и выводов. Надежность эмпирических данных обусловлена репрезентативностью выборки и применением статистических методов, соответствующих гипотезам и задачам исследования.

Основные научные результаты, полученные лично автором, и их научная новизна.

Выявлено, что коммуникативное поведение личности подросткового возраста с различной ролевой позицией в буллинг-структуре в виртуальном пространстве определяется специфическим соотношением когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих.

Доказано, что личности пользователя в условиях виртуального буллинга присущи стратегии, связанные с его индивидуально-психологическими особенностями и ролевой позицией в буллинге.

Определено и детально проанализировано, что в зависимости от типа участника ситуации буллинга стратегии могут различаться и включать конструктивную и неконструктивную направленность: конструктивная – жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией и защитник с адаптивной стратегией; неконструктивная – жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией, помощник с реактивно-компенсаторной стратегией.

Раскрыта и доказана возможность изменения ролевой позиции личности в ситуации буллинга при переходе из реального пространства в виртуальное.

Проанализирована взаимосвязь между коммуникативно-конативными и когнитивно-аффективными составляющими коммуникативного поведения личности подросткового возраста в буллинг-структуре, что позволило уточнить основные психологические затруднения респондентов.

Обоснована необходимость превентивных психологических мероприятий для сопровождения личности подросткового возраста в ситуации буллинга с использованием когнитивно-поведенческих техник.

Уточнено понятие и содержание ролевых позиций в виртуальном буллинге.

Расширены представления о коммуникативном поведении личности подросткового возраста в ситуации виртуального буллинга.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты исследования позволили расширить и дополнить представления о коммуникативном поведении личности подросткового возраста в ситуации виртуального буллинга, определить стратегии коммуникативного поведения подростков в виртуальном пространстве с учетом их индивидуально-психологических особенностей и ролевой позиции в буллинге. Полученные результаты имеют ценность для общей, социальной и педагогической психологии.

Практическая значимость выполненного исследования состоит в разработке опросника для определения ролевой позиции личности подросткового возраста в буллинг-структуре, который позволит определить устойчивые ролевые позиции на ранних этапах. Созданная система психологического сопровождения личности подросткового возраста, включенной в буллинг-структуру, позволит педагогам и психологам своевременно предвидеть и предотвратить ситуацию буллинга в реальном пространстве.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях виртуального пространства определяется когнитивно-аффективными

(иррациональные установки, рефлексия, эмоциональные схемы, показатели суицидального риска), коммуникативно-конативными (коммуникативные установки, виктимность, совладающее поведение, негативные родительские предписания), мотивационными (мотивы пребывания в сети, анализ самоотчетов) и ценностно-смысловыми (система ценностных ориентаций, смыслы личности в виртуальном пространстве) составляющими.

2. В зависимости от психологических особенностей коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга существуют определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге, и реализующиеся в ходе интернет-коммуникации: конструктивные – жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией, защитник с адаптивной стратегией; неконструктивные – жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией, помощник с реактивно-компенсаторной стратегией. При переходе личности из реального пространства в виртуальное возможно изменение ее ролевой позиции в ситуации буллинга.

3. Программа психологической коррекции личности подросткового возраста в ситуации буллинга в виртуальном пространстве учитывает взаимосвязь между когнитивно-аффективными, коммуникативно-конативными, мотивационными и ценностно-смысловыми особенностями участников буллинга, определяется стратегиями поведения в условиях виртуального буллинга и направлена на снижение основных психологических затруднений респондентов.

Апробация и внедрение результатов исследования.

Основные положения, выводы, результаты исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры психологии факультета психологии и педагогического образования ГБОУ ВО РК «Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова» (Симферополь, 2023-2026); были представлены на: Международной научной конференции «Социопсихологические закономерности развития личности в условиях цифрового общества» (Симферополь, 2024); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых «Молодая наука» (Симферополь, 2024); II Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2024); «Практики наставничества: от науки к прикладным технологиям» (Новосибирск, 2025); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психолого-педагогические основы формирования готовности молодежи к выбору педагогической профессии» (Симферополь, 2025); IV очно-заочном Всероссийском студенческом брифинге «Актуальные исследования психологической науки» (Симферополь, 2025); III Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2025); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов и молодых ученых «Молодая наука» (Симферополь, 2025); Международной

научно-практической конференции «Психология социализации личности в современных условиях» (Симферополь, 2025); Научно-методологическом семинаре «Психолого-педагогические исследования: концепции, методы и перспективы» (Симферополь, 2025); XVIII Международной научно-практической конференции «Шамовские чтения» (Москва, 2026); Республиканском семинаре-совещании по вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних (Симферополь, 2026).

Материалы исследования используются в деятельности ГБОУ ВО РК «Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова» (Симферополь).

Публикации. По теме исследования опубликовано 12 работ, из них по теме диссертации – 12 статей (в том числе в журналах, рекомендованных ВАК по специальности 5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки) – 4, в журналах, рекомендованных ВАК по смежным специальностям – 4, прочие – 4), общим объемом 7,6 п. л., авторский объем – 6,6 п.л.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения; трех глав; заключения, включающего основные выводы, практические рекомендации и перспективы дальнейшего исследования проблемы; списка использованной литературы, включающего в себя 247 источников, в том числе 48 – на иностранных языках. Работа иллюстрирована 21 таблицей и 36 рисунками. Основной объем работы составляет 235 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснованы выбор темы исследования; актуальность; названы объект и предмет изучения; сформулированы цель, гипотезы, задачи исследования; дана общая характеристика работы; показаны научная новизна, теоретическое и практическое значение диссертационного исследования; даны сведения об апробации и внедрении результатов; сформулированы положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Теоретико-методологический анализ проблемы коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства» дается анализ разработанности проблемы содержания коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства, анализируются основные составляющие.

В параграфе 1.1. «Теоретико-методологические подходы к определению коммуникативного поведения пользователя в виртуальном пространстве» проблема исследования коммуникативного поведения личности подросткового возраста нашла свое отражение в направлениях, исследующих мотивы пребывания в сети (А.И. Лучинкина); эмоциональную сферу (О.В. Григорьева, А.С. Медведева), ценностную сферу (И.М. Богдановская, Ю.В. Петрова, Е.Р. Черемонова); смысловую сферу (И.В. Абакумова, А.А. Коршак); когнитивные процессы (А. Бек, А. Эллис); когнитивные искажения в интернет-

общении (И.С. Лучинкина), киберагрессию подростков (Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Коржова, А.В. Микляева, С.С. Антипина) и стратегии поведения в сетевых конфликтах (С.В. Молчанов). В результате теоретического анализа определено, что коммуникативное поведение представляет собой межличностное и межгрупповое взаимодействие, в ходе которого происходит восприятие и интерпретация информации с учетом установок личности в виртуальном пространстве.

В параграфе 1.2. **«Конструктивная и деструктивная направленность коммуникативного поведения личности подросткового возраста в виртуальном пространстве»** на основе работ, рассматривающих исследования деструктивных форм поведения и коммуникации в виртуальном пространстве (Ш. Берн, А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина и др.), обоснована актуальность комплексного рассмотрения взаимосвязи мотивационных оснований и коммуникативных проявлений личности в ситуации буллинга. Отмечено, что изучение указанных аспектов является значимым для углубления представлений о формировании ненормативного поведения в ситуации кибербуллинга (А.А. Бочавер, М.А. Авдеев, Е.Н. Волкова и др.).

А.И. Лучинкина обозначает различия нормативной и девиантной интернет-социализации, описывает условия, при которых интернет-пространство может выступать фактором актуализации социальных рисков и девиантных практик. Последующее развитие данной проблематики представлено в работах И.С. Лучинкиной, где акцент делается на коммуникативную составляющую интернет-взаимодействия и предложена типология коммуникативного поведения с выделением конструктивной и деструктивной направленности. Л.Н. Молчанова и А.В. Фомина выделяют типологию коммуникативного поведения обучающихся в ситуации реального буллинга, которая детерминируется системой взаимосвязанных индивидуально-личностных факторов, проявляющихся в зависимости от социометрического статуса. Вместе с тем, полученные результаты не описывают в полном объеме коммуникативную направленность личности в ситуации виртуального буллинга.

В параграфе 1.3. **«Конструктивные и деструктивные формы коммуникативного поведения личности подросткового возраста в условиях виртуального буллинга»** акцентируется внимание на том, что в исследованиях по буллингу учеными основной фокус сделан на описании самого феномена, его социальной значимости, статусно-ролевых позициях участников и динамике групповых норм в реальном и виртуальном пространстве (Д. Лэйн, К. Ригби, И.С. Кон, П.П. Хайнеманн, А. Пикас, А.А. Реан, Г.В. Сорокоумова, А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, О.Л. Глазман, В.Р. Петросянц, К.С. Шалагинова и др.) В ходе теоретического анализа выявлено, что буллинг как коммуникативное поведение в реальном пространстве понимается как способ взаимодействия личности или группы, при котором происходит нарушение общепринятых правил и коммуникативных норм поведения в малой группе, осуществляется эмоциональный выбор, определяющий их статусно-ролевые отношения в буллинг-структуре (А.В. Фомина). Буллинг в виртуальном пространстве, в свою

очередь, рассматривается как форма киберагрессии в социальных сетях и других онлайн-площадках, усиливаемая анонимностью и ощущением безнаказанности и проявляющаяся через публичные и личные сообщения (Д.Н. Погорелов).

В то же время, мотивационные и коммуникативные маркеры буллинга в виртуальном пространстве остаются недостаточно изученными и требуют более длительного анализа. Например, наличие возможных неконструктивных стратегий поведения в виртуальном пространстве.

В качестве рабочего определения предлагаем следующее: коммуникативное поведение участников виртуального буллинга – это совокупность конструктивных и неконструктивных стратегий межличностного и межгруппового взаимодействия в сети, которые определяются устойчивыми ролевыми позициями и психологическими особенностями участников буллинга. Ролевая динамика, сложившаяся в виртуальном пространстве, выступает прямым продолжением буллинга в реальном пространстве. При этом виртуальное пространство предоставляет возможности для реализации компенсаторных стратегий.

Во второй главе «Методическое исследование коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства» определены задачи эмпирического исследования, приведены методы сбора и обработки результатов эмпирических данных; описаны применяемые математические методы обработки и анализа данных; объем и общая характеристика выборки; представлены основные этапы исследования; определены критерии формирования выборки; обоснованы методы эмпирического исследования.

В параграфе 2.1. **«Методические особенности построения эмпирического исследования коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства»**, исходя из теоретического анализа проблемы коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства, разработана теоретическая модель исследования (рис. 1).



Рисунок 1. Теоретическая модель исследования коммуникативного поведения личности в буллинге

Как показано на рисунке 1, ролевая позиция в буллинг-структуре в реальном и виртуальном пространстве разворачивается с помощью четырех составляющих: когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых. В описании каждой составляющей выделены значимые факторы, с помощью которых возможно выявить определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге.

К исследованию были приглашены 3000 обучающихся школ Республики Крым в возрасте от 14 до 17 лет. Эмпирическое исследование было реализовано в реальном и виртуальном пространстве с использованием дистанционных средств. В окончательную выборку вошли 892 человека, которые были отобраны экспертами как участники буллинга в реальном и виртуальном пространстве.

На первом этапе при помощи свободных самоотчетов, авторского исследовательского опросника «Ролевая позиция в буллинг-структуре» были выявлены роли и позиции личности подросткового возраста в буллинге в реальном пространстве (инициатор, помощник инициатора, жертва, защитник и наблюдатель).

В параграфе 2.2. «Методические проблемы исследования коммуникативно-поведенческих, ценностно-смысловых и мотивационно-аффективных особенностей участников буллинга в условиях виртуального пространства» описаны методические проблемы исследования, а именно отсутствие методик, позволяющих оценить ролевую позицию личности в буллинг-структуре с учетом сопротивления респондентов подросткового возраста и индивидуально-психологического многообразия, лежащего в основе

этой ролевой позиции. Известными опросниками для выявления ролевой позиции в ситуации буллинга являются опросники Д. Ольвеуса, в адаптации Е.В. Бушиной и А.М. Муминовой, и «Опросник риска буллинга» за авторством А.А. Бочавер. Однако, существующие методики не в полной мере отражают сложность и многогранность ролевых позиций в буллинг-структуре. Опросник Е.Г. Норкиной является наиболее близкими для данного исследования, однако его реализация затруднена в следствии высокого процента социально-желательных ответов и вопросов, которые требуют открытого обозначения позиции респондента, что может вызвать сопротивление.

Недостаточность психодиагностических методик стала причиной создания исследовательского опросника «Ролевая позиция в буллинг-структуре», включающего в себя 40 вопросов, которые объединяются в четыре блока позиций в буллинге (инициатор, помощник инициатора, защитник и жертва).

Одной из главных проблем в исследовании буллинга в виртуальном пространстве является отсутствие методик, позволяющих определить ролевую позицию личности подросткового возраста в кибербуллинге. Исходя из этого, создан авторский исследовательский опросник «Ролевая позиция в кибербуллинге», который включает в себя ряд кейсовых ситуаций, определяющих отношение к различным видам кибербуллинга в виртуальном пространстве. Опросник содержит 20 кейсовых ситуаций с вариантами ответов, которые объединены в девять блоков: троллинг как провокация в интернете; оскорбление и личные нападки; разглашение личной информации; моббинг в интернете; киберсталкинг; флуд и спам; репутационные риски; изоляция; создание ложных профилей. Коэффициенты константности, стабильности и надежности превышают теоретические значения, что свидетельствует о надежности опросника.

В параграфе 2.3. **«Эмпирические методы исследования коммуникативно-поведенческой, ценностно-смысловой и мотивационно-аффективной составляющей»** обоснованы методы эмпирического исследования. Эмпирическое исследование предполагало рассмотрение когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства. Таким образом, указанные авторские опросники успешно реализуют свои цели для определения ролевой позиции в буллинг-структуре в реальном и виртуальном пространстве.

В *третьей главе* **«Эмпирическое исследование коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства»** проанализированы результаты эмпирического исследования, предложены определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге, показана возможность изменения ролевой позиции при переходе в виртуальное пространство, представлены результаты факторного анализа, предложена программа психологической коррекции личности подросткового возраста, включенной в буллинг-структуру.

В параграфе 3.1. «Исследование составляющих коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства» описаны этапы эмпирического исследования с помощью группирующей методики, выявлены группы респондентов, согласно занимаемым ролевым позициям в буллинг-структуре. Среди них: жертвы – 112 человек, инициаторы – 97 человек, помощники инициатора – 159 человек, защитники жертвы – 131, наблюдатели – 393. Изучены достоверные различия по показателям когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса:

1. **Жертвы** (112 человек). Жертве присущи (при $p=0,05$): иррациональные установки в реальном пространстве по типу отверженности, недоверия, уязвимости, изгнания из общества и несостоятельности; эмоциональные схемы по типу вины и стыда, потери контроля, низкого консенсуса, непринятия чувств и инвалидизация; в системе антивитальности – конфликт в группе, тревожная руминация, антивитальные мысли; в системе жизнестойкости – саморегуляция и планирование; суицидальный риск – тенденции к негативному отношению к будущему; тип виктимного поведения – агрессивный тип, инициативный тип и пассивный тип; стратегии поведения – когнитивная репетиция, коррекция ожиданий и надежд, идущие вниз сравнения, фиксированная на эмоциях стратегия и уход в бегство из трудной ситуации; родительские предписания – «не живи», «не сближайся», «не будь собой», «не думай», «не будь маленьким» и «не принадлежи»; помехи в установлении контактов – нежелание сближаться с людьми и неумение управлять эмоциями. В виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция наблюдателя, жертвы и защитника; иррациональные установки – дихотомическое мышление, катастрофизация, мысленный фильтр, сверхгенерализация и персонализация; мотивы пребывания в сети – мотив репликации, мотив личного пространства и мотив вклада; смыслы в виртуальном пространстве – творец, сверхкреативность, компенсация проблем в общении, изменение ролевой позиции и общение; психологическая травма – отвержение, оставленность и несправедливость.

2. **Инициаторы** (97 человек). Инициатору присущи (при $p=0,05$): иррациональные установки в реальном пространстве по типу отверженности, недоверия, эмоциональной депривации, неполноценности и несостоятельности; эмоциональные схемы по типу чрезмерная рациональность и непринятие чувств; в системе антивитальности – страх осмеивания, демонстративность, в системе жизнестойкости – функциональная семья; суицидальный риск – позитивное отношение к будущему; тип виктимного поведения – агрессивный тип, активный тип и некритический тип; стратегии поведения – идущее вверх сравнение, фиксированная на эмоциях стратегия и уход в бегство из трудной ситуации; родительские предписания – «не живи», «не чувствуй», «не сближайся», «не будь собой» и «не думай»; помехи в установлении контактов – неадекватное проявление эмоций, неумение управлять эмоциями, негибкость и неразвитость эмоций и нежелание сближаться с людьми. В виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция инициатора, жертвы, наблюдателя; иррациональные

установки – дихотомическое мышление, катастрофизация, мысленный фильтр и сверхгенерализация; мотивы пребывания в сети – мотив обозначенного присутствия и мотив воплощения в роль; смыслы в виртуальном пространстве – потребительство, сверхкреативность, компенсация проблем в общении и общении; психологическая травма – отвержение и предательство.

3. Помощники инициатора (159 человек). Помощнику инициатора присущи (при $p=0,05$): иррациональные установки в реальном пространстве по типу зависимости, избранности, эмоциональной депривации и изгнания из общества, покорность; эмоциональные схемы по типу упрощенный взгляд на эмоцию, чрезмерная рациональность, обесценивание и потеря контроля; суицидальный риск – тенденция к позитивному отношению к будущему; тип виктимного поведения – активный тип и некритический тип; стратегии поведения – коррекция ожиданий и надежд, уход в бегство из трудной ситуации и стадия отрицания; родительские предписания – «не сближайся», «не будь собой», «не думай», «не чувствуй»; помехи в установлении контактов – неадекватное проявление эмоций, неумение управлять эмоциями и негибкость и неразвитость эмоций. В виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция инициатора и помощника; иррациональные установки – дихотомическое мышление, навешивание ярлыков и сверхгенерализация; мотивы пребывания в сети – мотив обозначенного присутствия и мотив воплощения в роль; смыслы в виртуальном пространстве – потребительство и сверхкреативность; психологическая травма – отвержение, оставленность и несправедливость; психологическая травма – отвержение и несправедливость.

4. Защитники жертв (131 человек). Защитнику жертвы присущи (при $p=0,05$): иррациональные установки в реальном пространстве по типу завышенных стандартов и избранности; эмоциональные схемы по типу упрощенного взгляда на эмоцию, обесценивания и чрезмерной рациональности; суицидальный риск – позитивное отношение к будущему; тип виктимного поведения – инициативный тип; стратегии поведения – коррекция ожиданий и надежд, придание нетривиального смысла ситуации, когнитивная репетиция; родительские предписания – «не чувствуй» и «не будь маленьким»; помехи в установлении контактов – тенденции к негибкости и неразвитости эмоций. В виртуальном пространстве отмечается ролевая позиция защитника и не принимающего участия; иррациональные установки – сверхгенерализация и долженствование; мотивы пребывания в сети – мотив репликации, мотив личного пространства и мотив вклада; смыслы в виртуальном пространстве – потребительство, сверхкреативность, общение, самопрезентация; психологическая травма – отвержение.

5. Наблюдатели (393 человека). Наблюдателю присущи (при $p=0,05$): иррациональные установки в реальном пространстве по типу завышенных стандартов, уязвимости и покорности; эмоциональные схемы по типу вины и стыда, потери контроля и низкого консенсуса; суицидальный риск – позитивное отношение к будущему; тип виктимного поведения – пассивный тип; стратегии поведения – идущее вниз сравнение, придание нетривиального смысла ситуации

и стадия отрицания; родительские предписания – «не будь значимым»; помехи в установлении контактов – тенденции к нежеланию сближаться с людьми; иррациональные установки – дихотомическое мышление; мотивы пребывания в сети – мотив вклада; смыслы в виртуальном пространстве – изменение ролевой позиции общение.

В параграфе 3.2. **«Исследование стратегий коммуникативного поведения личности в условиях виртуального буллинга»** описаны стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге и реализующиеся в ходе интернет-коммуникации. С целью реализации данной задачи был использован метод факторного анализа. Выделено 8 стратегий коммуникативного поведения респондентов с различными ролевыми позициями, имеющих конструктивную и неконструктивную направленность.

Конструктивные стратегии поведения.

1. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией. Для жертвы с компенсаторно-конструктивной стратегией ведущими являются чувствительность к отвержению и склонность к тревожной переработке ситуации, но при этом сохраняются элементы саморегуляции. В виртуальном пространстве это может сопровождаться конструктивно-смысловой организацией присутствия (мотив вклада, креативность), а также позициями наблюдателя и защитника, что указывает на стремление удерживать контроль и снижать риски вовлечение в ситуацию буллинга. Данная стратегия отражает уязвимость, которая компенсируется творческой мотивацией в виртуальном пространстве.

Результаты исследования психологических особенностей группы жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией (компонент 1) и группы жертв с защитной стратегией (компонент 2) отражены в таблице 1.

Таблица 1

Факторный анализ психологических особенностей группы жертв

Показатель	Компонент (стратегия)	
	1	2
Зависимость	,591	
Несостоятельность		,537
Отверженность	,877	,684
Активный тип виктимного поведения	-,601	
Агрессивный тип виктимного поведения		,522
Идущее вниз сравнение	,619	
Фиксирование на эмоциях		,861
Вина и стыд	,504	
Потеря контроля	,568	
Стремление к сближению с людьми		-,747
Тревожная руминация	,815	
Антивитаальные мысли		,553
Саморегуляция и планирование	,552	
Конфликт в группе		,672
Беспомощность		,788
Предписание «не будь маленьким»	,607	
Предписание «не живи»		,536
Предписание «не будь значимым»	,511	
Предписание «не принадлежи»		,871
Справедливость	-,714	
Оставленность		,509
Позиция наблюдателя (в виртуальном пространстве)	,569	
Позиция жертвы в виртуальном пространстве	,799	,692
Позиция инициатора в виртуальном пространстве		,744
Неучастие в буллинге		,503
Позиция защитника в виртуальном пространстве	,653	
Потребительская мотивация в виртуальном пространстве	-,819	-,539
Мотив личного пространства в виртуальном пространстве		,785
Мотив вклада в виртуальном пространстве	,639	
Персонализация в виртуальном пространстве	,802	
Катастрофизация в виртуальном пространстве		,644
Мысленный фильтр в виртуальном пространстве		,557
Творческая мотивация	,747	
Смысл виртуального пространства по типу креативности	,514	
Смысл виртуального пространства по типу избегания общества		,611
Смысл виртуального пространства по типу изменения ролевой позиции		,867
Смысл виртуального пространства по типу компенсации		,622
Смысл виртуального пространства по типу компенсации проблем в общении	,742	
S, % (по факторам)	39,6%	41,8%
S, % (в общем)	81,4%	

2. Инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией – ориентация на контроль и социальную эффективность. В виртуальном пространстве

преобладает наблюдение и дистанцирование от прямого участия в травле, при сохранении потребности в коммуникативной заметности. Отмечается конструктивная направленность коммуникативного поведения, но с контролируемой моделью включенности, где значимы статусные и нормативные ориентиры.

3. Помощник с просоциально-компенсаторной стратегией. Присуща пассивно-зависимая стратегия, при которой основное усилие направлено на когнитивную адаптацию и удержание ситуации через коррекцию ожиданий и надежд. Участие в коммуникации в виртуальном пространстве сопровождается дистанцированием от прямого вовлечения в буллинг и ориентацией на обозначение своего присутствия без расширения агрессивных действий.

4. Защитник с активно-преобразующей стратегией. Характерны конструктивные преобразующие стратегии: опора на когнитивную подготовку, саморегуляцию и смысл в виртуальном пространстве, позволяющие сохранить границы и контроль степени включенности во взаимодействие в сети.

5. Защитник с адаптивной стратегией. Ориентирован на поддержание адаптации и нормативного порядка, смысловую переработку ситуации и следование внутренним требованиям при возможной эмоциональной негибкости.

Неконструктивные стратегии поведения.

6. Жертва с защитной стратегией – ориентация на личное пространство, уход от общества, смена ролей, что приводит к колебанию между дистанцированием и вовлеченностью в более активные ролевые позиции по типу инициатора. Снижается стремление к сближению и усиливается потребность в защитном контроле и компенсации через виртуальное пространство.

7. Инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией. Присущи эмоциональная депривация, конфликтность, одиночество и сниженная саморегуляция. В виртуальном пространстве это сочетается с активной ролевой позицией и неконструктивной направленностью по типу инициирования конфликтных ситуаций, использованием ярлыков и инструментальным отношением к коммуникации.

8. Помощник с реактивно-компенсаторной стратегией. Отмечается сниженная критичность и ориентация на подчинение, что усиливает уязвимость к вовлеченности в неконструктивную групповую динамику. Типичны признаки неблагополучия и напряжения, препятствующие осмысленному выбору коммуникативной стратегии. В виртуальном пространстве это возможно благодаря сдвигу к позиции инициатора, а также потребительским мотивом пребывания в сети.

Таким образом, факторный анализ позволил выделить стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в буллинге и имеющие конструктивную и неконструктивную направленность коммуникативного поведения в виртуальном пространстве.

Кроме того, при исследовании коммуникативно-конативной составляющей выявлены когнитивно-поведенческие стратегии преодоления и

смены ролевой позиции в буллинг-структуре при переходе из реального в виртуальное пространство с помощью авторского исследовательского опросника. Отмечено, что респонденты могут демонстрировать различные ролевые позиции в реальном и виртуальном пространстве (рис. 2).

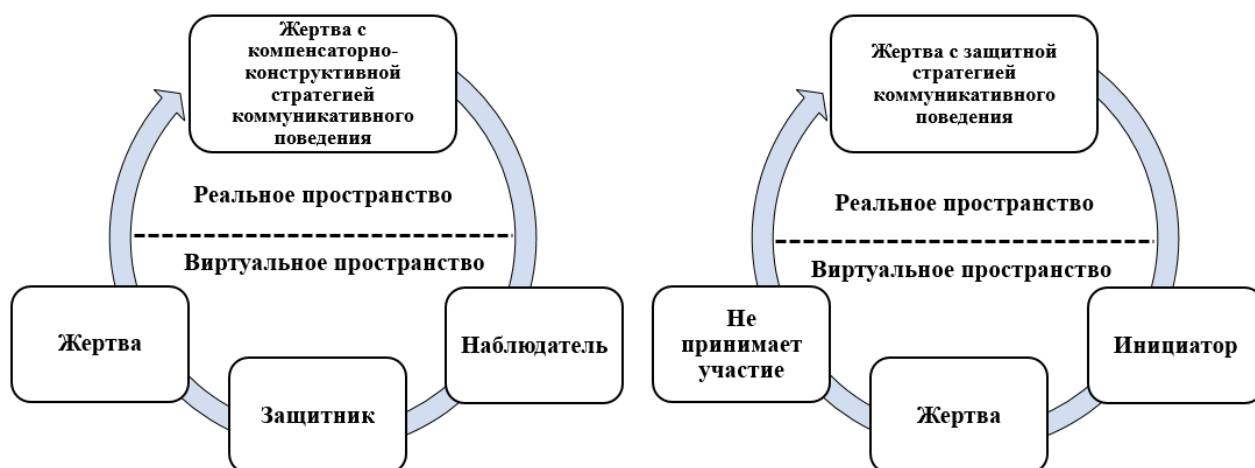


Рисунок 2. Пример смены ролевых позиций жертв в буллинге при переходе из реального в виртуальное пространство

На рисунке 2 изображен пример смены ролевой позиции жертв в ситуации буллинга при переходе из реального в виртуальное пространство.

Конструктивные стратегии поведения.

1. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию жертвы, наблюдателя и защитника в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 38,5$; $U_{эмп} = 49$; $U_{эмп} = 18,5$, при $p=0,05$). Переход жертвы в позицию защитника часто обусловлен механизмом смысловой переработки.

2. Инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве занимает ролевую позицию жертвы, инициатора, а также наблюдателя ($U_{эмп} = 13,5$; $U_{эмп} = 64$; $U_{эмп} = 79$, при $p=0,05$). Инициатор может переходить в позицию жертвы вследствие быстрого изменения эффекта массовости в виртуальном пространстве.

3. Помощник с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию помощника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 37$; $U_{эмп} = 55$, при $p=0,05$).

4. Защитник с активно-преобразующей стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 47$; $U_{эмп} = 33,5$, при $p=0,05$). Защитник с конструктивными преобразующими стратегиями ориентирован на изменение ситуации и перестройку коммуникации.

5. Защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и наблюдателя в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 19$; $U_{эмп} = 34,5$, при $p=0,05$). Защитник,

использующий конструктивные приспособительные стратегии, ориентирован на сохранение адаптации в существующих условиях.

Неконструктивные стратегии поведения.

1. Жертва с защитной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве занимает ролевую позицию инициатора, жертвы, а также не принимает участие в буллинге ($U_{эмп} = 55$; $U_{эмп} = 33,5$; $U_{эмп} = 77$, при $p=0,05$). В ситуации, когда жертва перенимает стратегию инициатора, результат травли может усиливать ожидания угрозы, поэтому подросток начинает атаковать первым, чтобы снизить вероятность оказаться в уязвимом положении.

2. Инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию инициатора и помощника в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 56$; $U_{эмп} = 17$, при $p=0,05$). Переход инициатора в позицию помощника обусловлен потерей лидерской позиции и интеграцией агрессии в качестве поддерживающего участника.

3. Помощник с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию помощника и инициатора в буллинге в виртуальном пространстве ($U_{эмп} = 61,500$; $U_{эмп} = 49$, при $p=0,05$).

Следует отметить, что смена ролевой позиции из реального в виртуальное пространство у группы наблюдателей затруднена, поскольку у них, в отличие от других ролевых позиций, нет единого поведенческого маркера, который бы фиксировал начало и продолжение травли.

Таким образом, смена ролевых позиций в буллинг-структуре при переходе из реального в виртуальное пространство позволяет расширить представления о коммуникативном поведении личности подросткового возраста в ситуации буллинга.

Кроме того, результаты исследования корреляционного анализа позволили выявить достоверную связь между отдельными коммуникативно-конативными и когнитивно-аффективными составляющими: изменение личностных свойств и дихотомическое мышление в виртуальной коммуникации ($p=0,55$, при $p=0,05$), уход и бегство из трудных ситуаций и навешивание ярлыков в виртуальной коммуникации ($p=0,64$, при $p=0,05$), коррекции ожиданий и надежд и сверхгенерализации в виртуальной коммуникации ($p=0,59$, при $p=0,05$), стратегия отрицания и катастрофизация в виртуальной коммуникации ($p=0,81$, при $p=0,05$), когнитивная репетиция и долженствование в виртуальной коммуникации ($p=0,67$, при $p=0,05$).

Выявлены связи между отдельными коммуникативно-конативными составляющими и ролевой позицией личности подросткового возраста в кибербуллинге: идущие вниз сравнение и позиция жертвы в виртуальном пространстве ($p=0,6$, при $p=0,05$), фиксированная на эмоциях стратегия и позиция инициатора в виртуальном пространстве ($p=0,5$, при $p=0,05$), изменение личностных свойств и позиция наблюдателя в виртуальном пространстве ($p=0,67$, при $p=0,05$), уход в бегство из трудных ситуаций и позиция наблюдателя

в виртуальном пространстве ($p=0,55$, при $p=0,05$), коррекция ожиданий и надежд и нет выраженной позиции в виртуальном буллинге ($p=0,67$, при $p=0,05$), стратегия отрицания и позиция инициатора в виртуальном пространстве ($p=0,55$, при $p=0,05$), когнитивная репетиция и позиция защитника в виртуальном пространстве ($p=0,6$, при $p=0,05$), идентификация со счастливыми и нет выраженной позиции в виртуальной буллинге ($p=0,55$, при $p=0,05$).

Отмечено, что между отдельными когнитивно-аффективными и мотивационными составляющими существуют связи: нежелание сближаться с людьми и потребительский виртуальный мотив обозначенного присутствия ($p=0,64$, при $p=0,05$), вина и стыд и творческий виртуальный мотив вклада ($p=0,77$, при $p=0,05$).

В параграфе 3.3. **«Организация программы психологической коррекции личности в условиях виртуального буллинга»** после результатов проведенного корреляционного анализа описаны основные трудности у респондентов группы выборки и сформирована программа психологической коррекции.

Программа психологической коррекции позволила осуществить работу с конструктивными и неконструктивными стратегиями коммуникативного поведения участников буллинга и реализовывалась с учетом трех модулей – модуль коррекции иррациональных установок и когнитивных искажений, модуль коррекции коммуникативных установок и модуль коррекции аффективных состояний. Таким образом, осуществлена работа на групповом и индивидуальном уровне в зависимости от наличия и выраженности когнитивных искажений, аффективных состояний, иррациональных и коммуникативных установок. Методом случайных чисел были отобраны 300 респондентов, относящиеся к группам с конструктивными и неконструктивными стратегиями поведения.

Программа психологической коррекции продемонстрировала значительную положительную динамику в изменении когнитивных искажений, коммуникативных установок и аффективных состояний у групп с различными стратегиями коммуникативного поведения в буллинге (при $p \leq 0,05$). Отмечается меньшая выраженность когнитивных и иррациональных установок, сниженная выраженность аффективных состояний и адекватная коммуникативная установка в отношении себя и окружающих.

Заключение и основные выводы:

1. Коммуникативное поведение участников виртуального буллинга представляет собой совокупность конструктивных и неконструктивных стратегий межличностного и межгруппового взаимодействия в сети, которые определяются устойчивыми ролевыми позициями и психологическими особенностями участников буллинга.

2. Коммуникативное поведение участников буллинга в условиях виртуального пространства может определяться когнитивно-аффективными (иррациональные установки, рефлексия, эмоциональные схемы, показатели суицидального риска), коммуникативно-конативными (коммуникативные

установки, виктимность, совладающее поведение, негативные родительские предписания), мотивационными (мотивы пребывания в сети, анализ самоотчетов) и ценностно-смысловыми составляющими (система ценностных ориентаций, смыслы личности в виртуальном пространстве), определяться стратегиями поведения, связанными с ролевой позицией в буллинге и имеющими конструктивную и неконструктивную направленность коммуникативного поведения в условиях виртуального пространства.

3. Распределение показателей когнитивно-аффективных, коммуникативно-конативных, мотивационных и ценностно-смысловых составляющих коммуникативного поведения личности подросткового возраста в ситуации буллинга в виртуальном пространстве позволило выделить 8 стратегий поведения, связанных с ролевой позицией в буллинге и имеющими конструктивную и неконструктивную направленность коммуникативного поведения в виртуальном пространстве. Конструктивные стратегии поведения: жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией, помощник с просоциально-компенсаторной стратегией, защитник с активно-преобразующей стратегией и защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения. Неконструктивные стратегии поведения: жертва с защитной стратегией, инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией и помощник с реактивно-компенсаторной стратегией.

5. Выявлено, что существует смена ролевых позиций в буллинг-структуре при переходе из реального в виртуальное пространство у жертвы, инициатора, защитника и помощника. Жертва с компенсаторно-конструктивной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию жертвы, наблюдателя и защитника в виртуальном пространстве; жертва с защитной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию инициатора, жертвы, а также не принимающего участия в буллинге; инициатор с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в реальном пространстве перенимает ролевую позицию жертвы, инициатора, а также наблюдателя; инициатор с деструктивно-демонстративной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию инициатора и помощника в виртуальном пространстве; помощник с просоциально-компенсаторной стратегией перенимает ролевую позицию помощника и не принимающего участие в буллинге; помощник с реактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию помощника и инициатора; защитник с активно-преобразующей стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и не принимающего участия в буллинге в виртуальном пространстве; защитник с адаптивной стратегией коммуникативного поведения перенимает ролевую позицию защитника и наблюдателя в буллинге в виртуальном пространстве.

6. Модель психологической коррекции направлена на участников, имеющих определенные стратегии поведения, связанные с ролевой позицией в

буллинге в виртуальном пространстве. Существенные изменения происходят у группы жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией и у жертвы с защитной стратегией коммуникативного поведения, а также у группы инициаторов с проактивно-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения и помощников с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения, что свидетельствует о необходимости проведения коррекционно-профилактической работы у личности подросткового возраста в ситуации буллинга в реальном и виртуальном пространстве.

7. По итогам внедрения программы психологической коррекции наблюдаются значительные конструктивные изменения в когнитивных, психологических характеристиках коммуникативного поведения личности и аффективных состояниях у группы жертв с компенсаторно-конструктивной стратегией, инициаторов с проактивно-компенсаторной стратегией и у помощников с просоциально-компенсаторной стратегией коммуникативного поведения в виртуальном пространстве.

Практические рекомендации. Результаты исследования и созданная модель психологического сопровождения личности позволяет педагогам и психологам предвидеть и предотвратить буллинг в реальном и виртуальном пространстве. Понимание ролевой позиции подростков, вовлеченных в буллинг-структуру, может помочь в разработке эффективных методов профилактики и решения этой проблемы в дальнейших исследованиях.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы предполагают дальнейшее изучение коммуникативного поведения участников буллинга в условиях виртуального пространства с учетом многообразия ненормативных форм этого поведения. Подобное исследование позволит разработать систему профилактических мероприятий, доступных для реализации педагогами-психологами в работе с личностью подросткового возраста.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. В журналах, рекомендованных ВАК РФ по специальности 5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки) для публикации материалов кандидатских диссертаций:

1. Фазилова А. Э. Социально-психологические особенности ролевого поведения подростков в ситуации буллинга / А. Э. Фазилова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2025. – № 3 (187). (1,2 п.л.)

2. Фазилова А. Э. Психологические особенности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру / И. С. Лучинкина, А. Э. Фазилова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 3. – С. 21-35. – DOI 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35. (0,8 п.л., / 0,4 п.л.)

3. Фазилова, А. Э. Социально-психологические установки личности, включенной в ситуацию кибербуллинга в цифровой среде / А. Э. Фазилова //

Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2024. – № 4(182). – С. 315-333. – DOI 10.25588/CSPU.2024.182.4.017. (0,8 п.л.)

4. Фазилова, А. Э. Специфика исследования ролевой позиции личности в буллинге / А. Э. Фазилова // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 90-103. – DOI 10.18413/2313-8971-2024-10-2-0-8. (1,0 п.л.)

2. В журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций по смежным специальностям:

1. Фазилова, А. Э. Влияние выраженности виктимного поведения на образ жертвы буллинга в подростковой среде / А. Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 1. (0,6 п.л.)

2. Фазилова, А. Э. Личностные установки, влияющие на ролевую позицию в буллинге / А. Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 3. (0,8 п.л.)

3. Фазилова А. Э. Гендерная социализация в контексте семейных традиций: межпоколенческая передача гендерных стереотипов / Л. В. Жихарева, А. Э. Фазилова // International Journal of Medicine and Psychology. – 2025. – Т. 8, № 8. – С. 414-421. (0,7 п.л. / 0,3 п.л.)

4. Фазилова А. Э. Психологические особенности личности с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре / И. С. Лучинкина, А. Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 4. (0,6 п.л./0,3 п.л.)

3. Остальные работы:

1. Фазилова, А. Э. Личность в пространстве буллинга: анализ проблемы / А. Э. Фазилова // Научный аспект. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 1624-1630. (0,3 п.л.)

2. Фазилова, А. Э. Особенности личности и ее ролевой позиции в структуре виртуального буллинга / А. Э. Фазилова // Молодой ученый. – 2020. – № 22(312). – С. 492-494. (0,2 п.л.)

3. Фазилова, А. Э. Особенности подростков с различным социальным статусом в классе / А. Э. Фазилова // Молодой ученый. – 2020. – № 22(312). – С. 490-492. (0,2 п.л.)

4. Фазилова, А. Э. Зарубежные и отечественные подходы к сопровождению личности в ситуации буллинга / А. Э. Фазилова // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 37. – С. 1484-1491. (0,4 п.л.)